

Москва
Театр

"Около дома
Станиславского"

(На Кр. Пресне)

Независимая газета. — 1998. — 1 апр. — С. 7
ОКОЛО ДОМА СТАНИСЛАВСКОГО

Десять лет без права переписки

Юрий Рыбаков

МОСКОВСКИЙ театр «Около дома Станиславского», отмечающий на днях свое десятилетие, и его режиссер Юрий Николаевич Погребничко вызывают либо восторг некоторых критиков, либо полное неприятие. Зрители, видимо, также делятся на две партии. Поди вот разберись...

На «Трех сестрах» сидел и размышлял — корректно ли поступает режиссер, когда дает в своем спектакле старую фонограмму с записью голосов мхатовских артистов, противопоставляя им свою интонацию? Хотелось с ним спорить, а рядом молодая зрительница ни о чем таком не думала, а просто плакала горько над участью сестер. Потом и я втянулся в спектакль и понял, что в этот театр нельзя входить со своей привычной логикой, ограничиться своим пониманием того, как надо играть в театре. Режиссер предложит такую неожиданность, с которой нужно либо покорно согласиться, и тогда спектакль втянет тебя в свою ауру, либо тут же вставать и уходить. Тут пальцем не пошевелишь, чтобы вас «завоевать», тут от вас требуется полная и безоговорочная капитуляция.

Спектакли Погребничко не поддаются пересказу. Ну, например, если спросят о «Вишневом саде», то придется рассказать, что в финале исполнитель роли Фирса, совсем не старик, выходит в детской матросочке под звуки песни «Раскинулось море широко...», и получить в ответ недоуменный

взгляд. Зачем же это? И не объяснишь, а если и попытаешься, то исчезнет магия, под необъяснимым воздействием которой находился во время спектакля. О чем песня-то? О страшном одиночестве посреди моря. Житейского? Нет, одиночества вообще.

Погребничко никогда, если не ошибаюсь, не декларировал свои взгляды и не провозглашал конечных целей. Не потому, что их не имеет, а потому, что он из тех немногочисленных исследователей сценической материи, которым важнее процесс, а не результат. Его спектакли кажутся репетициями, когда еще не закреплены находки, не зафиксированы акценты, артисты еще только что-то нащупывают, но еще не утвердились в рисунках своих ролей. Это не качество, а свойство его спектаклей, где правит бал импровизация, в ходе которой перебирается бесчисленное множество вариантов, деталей, актерских приспособлений. Находки Погребничко в области внутренней актерской техники, полагаю, могут быть весьма интересны для коллег по профессии, ибо он свел до минимума внешние средства актерской выразительности и добился редкой в нашем театре внутренней сосредоточенности.

Театр «Около дома Станиславского» не претендует на глубокомысленные принципиально. Принципиален сложный, с многочисленными оттенками юмор, пронизывающий все его представления. Это может быть монтаж аттракционов, соединение несоединимого, неожиданная деталь, игра интонаций. В ностальгическом кабаре «Русская тоска» песни

в прелесных, то чуть более пафосных, чем нужно, то чуть сниженных трактовках Натальи Рожковой вписаны в безмолвную пантомиму, которую разыгрывают ее партнеры, насмешливая, подчас довольно зло, но чаще нежно, и над собой и над тоской. Тень Д.Хармса витает в этом театре.

В названии театра «Около дома Станиславского» не географический, конечно, смысл, хотя можно и так понять, а театральный вызов. Неужели самому Константину Сергеевичу? Именно ему, хотя большого нахальства в этом не вижу — кто только в нашем веке не бросал ему вызов, а он его принимал и остался непобежденным, но помог своим соперникам отточить мастерство и обрести свое художественное лицо.

Погребничко не случайно вновь и вновь обращается к Чехову, ведет творческую полемику именно на этом поле и ищет свой театральный смысл в том, чтобы уйти от бытовых решений, найти свой путь, минуя характеры «помхатовски», к небывалой типизации. Текст возьмем Чехова, а человеческие типы, очищенные от социальных, исторических, бытовых примет, будут от театра, что, конечно, концептуально весьма спорно, но смотреть любопытно, ибо сюжетные ситуации наполняются неожиданным смыслом, вызывая, если ты подчинился спектаклю, бесконечную цепь ассоциаций.

Можно и не подчиняться, можно даже негодовать на театр, но десять лет показали, что сбить Погребничко с его пути невозможно, как, впрочем, всякого настоящего художника.